

Борис Михайлович Бим-Бад, Сергей Назипович Гавров

***Современная Россия: переходное общество –
переходные формы семейных отношений***

Итак, по ряду важнейших направлений, в том числе урбанизации, индустриализации, демографической революции переход от общества доиндустриального типа социальной организации к современному обществу во многом уже состоялся, другой вопрос, что удалось достигнуть определенных количественных показателей нового общества, тогда как их качественное наполнение во многом отличается от референтного для общества модерна. Российское общество по-прежнему представляет собой сложное переплетение элементов отсталости и развития, традиционализма и модернизации, динамики и застоя. Сосуществование этих противоречивых элементов создает амбивалентную социокультурную среду, в которой протекают социальные и политические процессы новейшей российской истории. В то же время в течение XX века в России сформировалась традиция модерна и стала частью повседневной жизни – модерн перестала быть частью будущего.

Современное российское общество сохраняет внутреннюю амбивалентность, его нельзя характеризовать как сугубо традиционное, но в полной мере оно не является и обществом модерна, что отчетливо проявляется в нормах, ценностях, моделях

поведения и образе жизни в наименее успешных, образованных и доходных стратах общества: «Значительная часть выпавших из общинно-государственной системы индивидов не связывается рыночной и гражданской связью, а превращается в “перекати-поле”, оставаясь по сути элементами старой распределительной (но уже не жестко регламентированной, а хаотизированной) системы» [Кара-Мурза, 1996: 61-61]. Заметим, что следование традиционалистским стратегиям жизненного поведения человека, обращение к опыту прошлого как источнику для решения сегодняшних частных и социальных проблем происходит в моменты резкого ускорения социокультурной динамики, проявляясь в спонтанных архаических по своей генеалогии адаптационных реакциях личности.

Для значительной части российского общества продолжает оставаться традиционным восприятие необходимой и излишней меры труда и потребления, представление о мере естественных человеческих потребностей. В традиционном обществе человек работал для удовлетворения первичных, ограниченных потребностей, не проявляя, как правило, склонности к производству и потреблению сверх этой минимально необходимой нормы, перманентное расширение потребностей, использование в повседневной жизни различных, в том числе технических, новшеств могло восприниматься как патология, свойственная узкому кругу аристократии. Характерен взгляд крестьянина на труд как единственно справедливый источник собственности, признание принадлежности права на землю крестьянской общине, приоритет общинного блага и признание общей семейной собственности.

А известный русский писатель, экономист, теоретик кооперативных форм развития народного хозяйства А.В. Чаянов писал о том, что «огромная область народного хозяйства в виде сельскохозяйственного производства построена в большей своей части не на капиталистических началах, а на началах трудового семейного хозяйства, которому свойственны иные мотивы

хозяйственной деятельности и даже иное понимание выгоды» [Мяло, 1988: 254].

Выгодность – это прежде всего все то, что способствует элементарному биологическому и социокультурному воспроизводству патриархальной семьи, бесчисленной смене поколений людей, ее темпоральной трансляции в вечности. Докапиталистическая (натуральная) форма ведения семейного хозяйства оказалась массово востребованной в постсоветский период.

Так, крестьяне развили в себе виртуозные способности к выживанию, к противостоянию обстоятельствам и вызовам судьбы. Эти способности бесценны именно в экстремальных условиях, когда семейная экономика вынуждена развернуться на самое себя, замкнуться в кругу родственных социально-экономических структур, стремительно нарастить сеть горизонтальных, стихийно-кооперативных связей с родственниками и односельчанами. Эти способности буквально из ничего сотворили сегодня некую самодельную гарантийно-страховую систему, цель которой – физическое и социальное выживание.

Именно такая судьба ожидала значительную часть населения России, обратившуюся в постсоветский период к докапиталистическим технологиям выживания, когда во имя гарантированного сохранения минимума ресурсов, необходимых для простого биологического воспроизводства жизни, отвергаются более рискованные, инновационные модели поведения. В постсоветский период до 70–80% наших соотечественников выбрали модель адаптации к реформам, которая находится за рамками капиталистической рыночной экономики, до предела уменьшив потребляемый пакет товаров и услуг, перейдя к натуральным формам самообеспечения. Семейная экономика этой, к нашему сожалению, подавляющей части российского общества складывалась как экономика выживания, основу которой составили натуральные

формы самообеспечения и максимальная экономия на всем. Приведем здесь отрывки, записанные в ходе полевых социологических исследований крестьянства Южной России (время записи – осень 1999 – зима 2000 года): «Выбрасывается только то, из чего уже ничего нельзя сделать. Тряпок в мусорном ведре нет. Бумага сжигается в печке. Из обуви не подлежит восстановлению резиновая подошва, если она напрочь сшоркалась. Значит, в ведре только крышки, битое стекло, горелые спички. Отходы от картошки, зелень – все это курам идет. И скорлупа яичная тоже курам... И если я сегодня банку консервную не открывала, то у меня и мусора-то не будет никакого». [Виноградский, 2000: 69].

Именно в этой, социально незащищенной и низкодоходной части российского общества в течение большей части 90-х годов прошлого века происходил процесс горизонтальной сегрегации, означающий сосредоточение женщин в определенных профессиях и сферах деятельности при их относительной выключенности из других сфер.

Так, женщины, как правило, составляют большинство специалистов в образовании, здравоохранении, социальном обеспечении. Они преобладают среди армии офисных клерков, торговых служащих, работников общественного питания и бытового обслуживания, значительная часть женщин трудится на монотонных конвейерных линиях. Именно на такое положение вещей указывают результаты ряда исследований, проведенных и российскими социологами.

Видный специалист по теории организации У. Ханди рекомендует, чтобы при составлении портфеля трудовых усилий и вознаграждения за них должно было быть учтено по меньшей мере пять форм труда, пять составляющих профессиональной жизни.

1. Работа по найму – вам платят деньги за время, проведенное на работе.
2. Работа за гонорары – вам платят за результат.

3. Работа по дому – приготовление пищи, уборка, ремонт, покупки и т.д.
4. Неоплачиваемая работа – добровольный труд.
5. Работа, связанная с обучением, – образование, профессиональная подготовка, учеба [Бойетт, Бойетт, 2002: 328].

Как мы знаем, и наше знание подтверждается репрезентативными социологическими исследованиями, проводившимися как российскими, так и западноевропейскими социологами, третий пункт этого списка в рамках семейных отношений практически полностью ложится на плечи «слабого пола», кроме того, существует как профессиональная специализация по отраслям экономики, так и некоторый разрыв по оплате труда мужчин и женщин в рамках одной и той же отрасли экономики.

Разделение труда по принципу половой принадлежности и традиционной гендерной роли, которые играют мужчина и женщина, распределение, в результате которого внешняя по отношению к семье хозяйственная деятельность была делом мужчин, а домашнее хозяйство – делом женщин, привело к экономической зависимости женщин от мужчин, что нашло отражение в характере распределения обязанностей между ними.

Женщина... выступает как представительница мира частного, внутреннего, влажного, нижнего, непрерывного. Поэтому ей пристала домашняя работа, т.е. занятия частные, скрытые, зачастую незаметные или унижительные.

Самая грязная и самая монотонная работа является женским делом. Практика разделения труда, диктуемая мужской гегемонией, формирует как у мужчин, так и у самих женщин габитус, способствующий оправданию и закреплению этой гегемонии. В результате и сами женщины проникаются андроцентрическим видением мира и самих себя. Отношение женщин к самим себе и к своему положению пронизано символическими значениями, на

которых зиждется мужская гегемония, являясь, таким образом, неотъемлемой частью того символического насилия, жертвами которого они становятся [Сокулер, 2003: 46].

Сохранение подобного положения вещей, пролонгация гендерно обусловленного материального неравенства тормозит достижение женской частью российского населения экономических основ для независимой социальной и личной жизни, создание семьи преимущественно по любви, но не по материальному расчету. Это торможение не фатально, оно способно лишь на временное замедление гендерной динамики, содержательное наполнение которой, несмотря на все локальные различия, совпадает в разных регионах земли.

Следует также учитывать, что львиная доля статистических данных, показывающих ухудшение материального положения женщины и сосредоточенности ее профессиональных усилий в низкодоходных секторах экономики относится к тем примерно 70% наших соотечественников, чье материальное положение либо стагнировало, либо, в той или иной форме, ухудшилось в постсоветский период. В этих социальных стратах и положение мужчины оставляет желать лучшего.

Но есть еще и группа наших более успешных соотечественников, группа, которая в состоянии дать своим детям хорошее образование, востребованную и хорошо оплачиваемую на отечественном/мировом рынке труда профессию. Иными словами, эта часть общества может вкладывать необходимые материальные средства в биологическое и социокультурное воспроизводство новых поколений. Но если много вложено, то можно и ожидать адекватную отдачу, и отдача эта заключается в том, что радикально повышается качество этой части российского социума. Индивид становится личностью, следуя по пути, по которому уже прошли общества наиболее развитых стран Европы и Северной Америки. Там, где женщина в массовом порядке может добиться успешной профессиональной карьеры, достигнув

должного уровня материальной независимости, она часто просто не спешит вступать в брак.

Женщины вступают в брак и рожают первого ребенка во все более зрелом возрасте. Они откладывают создание семьи до тех пор, пока не получают образования и не найдут свою первую работу. В 1988 году средний возраст первородящих матерей составлял 26 лет, самый зрелый возраст за всю историю США [Коатс, 2000: 453].

За сравнительно короткий исторический отрезок времени женщина вышла за рамки своей традиционной ролевой семейной функции, начав работать вне дома, получая образование, профессиональную квалификацию, активно пополняя не только ряды наемных работников, но и создавая собственные предприятия, главным образом в сфере услуг. Для современной женщины как в России, прежде всего в выигравшей от постсоветских реформ части общества, преимущественно сконцентрированной в российских мегаполисах – Москве и Петербурге, так и в «старой Европе», труд является не вынужденной необходимостью, а ценностью, причем едва ли не основной. Так, согласно опросу, проводившемуся в январе 1985 г. среди француженок, «53% их них заявили, что женщина чувствует себя счастливее, если она работает, и только 12% предпочитали не работать. Девочки-подростки, наблюдая за работающими матерями, говорят о том, что “труд украшает женщину”; “работающая женщина привлекательна, полна жизни”; “лишить женщину работы – значит превратить ее в подобие полумертвого автомата”» [Айвазова, 1989: 187].

В самые последние годы в России произошло некоторое сокращение разрыва доходов мужчин и женщин, объясняемое большей социокультурной адаптивностью, гибкостью моделей поведения, которое во все большей степени демонстрируют представительницы «слабого пола» России. И здесь лидируют стремление к получению образования, востребованного на современном российском рынке труда, профессиональная

переподготовка. Согласно социологическим исследованиям, в рамках которых рассматривался феномен повышенной социальной адаптивности российских женщин, вступление в новый рынок труда сопряжено с освобождением от все новых и новых форм отношений в семье, с соседями, с коллегами по профессии, а также от привязанности к региональной культуре и ландшафту... они ведут к высвобождению индивида из социальных классовых связей и устоявшихся отношений между мужчинами и женщинами.

Если несколько абстрагироваться от российской социокультурной эмпирики по низкодходным группам населения, которая в избытке была представлена в течение пореформенного периода, а рассматривать освобождение женщины, достижение участниками семейных отношений эгалитарных позиций как длительный исторический макропроцесс, то вырисовывается следующая картина. Впервые перед массой женщин открылся широкий выбор возможностей, появилась альтернатива бесплатному домашнему труду, которая позволила изменить складывавшиеся веками жизненные стереотипы.

Женщина становится все более независима от мужчины материально, занимая высокие позиции в социальной и профессиональной иерархии. Это путь к большей свободе от представителей противоположного пола, ведь именно на материальной зависимости и на внеэкономическом принуждении к труду держалась патриархальная семья, с ее коллективизмом и жертвенностью женщины, ограниченной пространством «Kinder, Kuche, Kirche» (дети, кухня, церковь). Хотя последний немецкий император и прусский король (1888-1918) Вильгельм II Гогенцоллерн (1859-1941) шутивно добавлял к этому вполне серьезному списку и Kleider – наряды.

Если обойтись без шуток, то освобождение женщины от абсолютного диктата этих символических, социобиологических и профессионально специализированных пространств становится

великим шагом на пути к обретению личной свободы, формированию независимой, гедонистической западной личности «конца истории», истории Запада, во всяком случае.

Еще один важный аспект рассматриваемой нами проблематики трансформации семейных отношений в контексте все большей автономизации человека в отношении природного и социального окружения. Прежде всего, для того чтобы в условиях современного общества добиться политического, экономического и социального равенства, женщина должна в полной мере руководствоваться принципом репродуктивной свободы.

Равенство для женщин означает помимо всего прочего обретение влиятельных позиций во всех сферах общественной жизни. Поскольку процесс воспитания детей требует много времени и энергии, чем в большей степени женщина вовлечена в этот процесс, тем труднее для нее получить хорошее образование и добиться успеха в карьере. Социальные традиции не способствуют тому, чтобы мужчина активно участвовал в процессе воспитания детей, и неудивительно, что основной груз в этом деле ложится на плечи женщины.

Необходимо чтобы женщина свободно принимала решение о том, иметь или не иметь детей и если иметь, то когда. Лишение индивида возможности свободно принять решение о том, чтобы не иметь детей, означает вмешательство в его личную жизнь и нарушение принципа уважения личности. Мы вполне солидарны с позицией К. Стронгга, рассматривающего проблему этических вопросов современной репродуктивной медицины – женщина должна получить всю полноту контроля над репродукцией человека. Без достижения этой свободы обо всех прочих аспектах освобождения женщины говорить просто бессмысленно.

Теперь обратимся к истории и современному состоянию данного вопроса. Распространены утверждения о том, что сокращение детности и, как следствие, сокращение населения России

происходило лишь начиная с 90-х годов XX века. Это утверждение абсолютно мифологично. В течение XX века, отличающегося радикальным ускорением социокультурной динамики, произошло резкое снижение рождаемости, прежде всего у народов, исторически придерживавшихся различных направлений христианства. Одной из причин распространения демографической революции в России стало ускоренное заимствование западноевропейской модели семьи.

Первые признаки снижения рождаемости в России появились к началу XX века, но они были едва заметны. Революция, Первая мировая и Гражданская войны значительно понизили уровень рождаемости, но уже к середине 20-х годов XX века она практически вышла на уровень, характерный для Российской империи до начала Первой мировой войны. Строго говоря, только коллективизация смогла окончательно разрушить массовую крестьянскую патриархальную семью, как, впрочем, и уничтожить крестьянство центральных областей России. В результате большевикам понадобилось всего несколько десятилетий, чтобы совершить демографическую и санитарно-гигиеническую революцию, пройдя путь, который на Западе занял куда большее время.

После окончания Второй мировой войны процесс сокращения рождаемости в славянской части бывшего СССР происходил сопоставимыми темпами с Западной Европой, с ее динамичной экономикой, высоким уровнем жизни, медицинского обслуживания и образования, значительно опережая мусульманские регионы страны и наших ближних и дальних восточных и южных соседей. Депопуляционные тенденции в России стали особенно наглядны начиная с 60-х годов XX века.

К концу 50-х – началу 60-х годов прошлого века Россия и другие европейские республики СССР по уровню рождаемости практически не отличались от стран западного мира. В Советском Союзе средняя величина семьи колебалась от трех человек в прибалтийских республиках (Латвии и Эстонии) до 7–9 среди сельского населения

Туркменистана и Таджикистана. В распределении семей по величине выделялись три региона: с преобладанием малых семей – Прибалтийские страны, Украина и большая часть России; с преобладанием средних семей включает Белоруссию, Грузию, Молдавию; с преобладанием больших семей включает страны Средней Азии, Армению, Азербайджан [Летов, Стронгк, 2000: 130].

Именно тогда тенденции отрицательного естественного прироста населения стали нормой сначала для российского села, прежде всего в Центральной России, в Нечерноземье, и постепенно распространились и на города центральной части страны. Несмотря на то, что в селе дольше сохранялись патриархальная семья и диктуемые ей нормы детности, село в массовом порядке подпитывало население российских городов, само постепенно приходя в полное запустение.

Уже к концу 70-х годов XX века источники поддержания положительного демографического баланса и в сельской, и в городской местности исчерпали себя... быстро стареющая возрастная структура населения на фоне низкой рождаемости, не уменьшающейся смертности и стабилизации миграционных потоков подготовила тенденцию к отрицательному приросту почти на всем пространстве России. К началу 90-х годов большинство российских регионов оказалось перед лицом реальности отрицательной демографической динамики. Коэффициент суммарной рождаемости в России не только достиг, но и опустился значительно ниже уровня замещения убывающего населения. В других регионах бывшего СССР эти процессы смягчались высокой рождаемостью [Жиромская, 1999: 365].

В стране свершился так называемый «второй демографический переход», характеризующийся меньшим количеством и более поздним возрастом вступления в брак, более поздним рождением ребенка, значительным количеством детей, родившихся вне брака. В настоящее время в России преобладают нуклеарные семьи, имеющие

детей или без них. Традиционные, патриархальные семьи, состоящие из двух или более супружеских пар, составляют сегодня порядка 4,3% от общего числа семей.

Мы наблюдаем значительный рост числа семей, состоящих из 2-х человек, стагнацию, с небольшой тенденцией к росту семьи из 3–4-х человек и радикальное уменьшение количества многочисленных семей, состоящих из пяти и более человек. Мы видим увеличение количества неполных семей (один ребенок и один родитель) и семей бездетных, а количество патриархальных и многодетных семей постоянно сокращается.

Явно наметившаяся тенденция к доминированию нуклеарной семьи с одним ребенком, дополняющаяся ростом количества неполных семей, распадом патриархальной и многодетной семьи обусловлена следующими факторами:

- ростом числа ранних браков вследствие снижения возраста вступления в брак и общего изменения половозрастной структуры населения;
- тенденцией к обособлению молодых семей;
- тенденцией к малодетности;
- накоплением в населении семей с одним родителем (неполных).

Сегодня в России преобладающим является тип нуклеарной семьи, состоящей из супружеской пары с детьми или без них (82%). Сравнительно велика и выросла за 80–90-е годы доля семей, состоящих из одного родителя с детьми. Такие семьи образуются в связи с разводом или смертью одного из супругов, а также в результате рождений вне брака. Абсолютное число одиноких и отдельно проживающих членов семьи составляет, по данным переписи 1989 г., 17 млн. человек, или более 12% населения. В общем числе семейных образований одиночки составляют почти треть. При этом наибольшее количество людей, живущих вне семьи, сосредоточено в городах, особенно в крупных, в российских

мегаполисах Москве и Петербурге, а также в городах-«миллионниках» [Бутенко, Разлогов, 1996: 2-3].

Ситуация в демографической сфере приобрела еще более острый характер начиная с 1992 г. В 1994 г. смертность в стране увеличилось вдвое по сравнению с относительно спокойным и трезвым, вследствие развернутой по инициативе М.С. Горбачева в 1986 г. антиалкогольной компании, временем перестройки. Важнейшей причиной происходящего явился социокультурный шок, возникший от необходимости ускоренной адаптации к постсоветским условиям жизни, в том числе и меньшей степенью патернализма со стороны государства. Своими следствиями этот социокультурный адаптационный шок имел и значительное снижение продолжительности жизни мужчин, ухудшение здоровья у значительной части слабых и социально неконкурентоспособных россиян, в том числе и тех из них, которые еще/уже находятся в состоянии фертильности, то есть биологически и социально способны к репродукции человека.

В результате «демографическая проблема... приобрела остро политизированные черты. Достаточно вспомнить, что одним из обвинений президенту Б.Н. Ельцину было как раз обвинение в геноциде собственного народа. Среди специалистов (медиков, демографов, экономистов) также произошло размежевание на «западников», отстаивающих идеи и методы «планирования семьи», и «традиционалистов», мечтающих не только о полном запрете абортов, но и о максимально возможном ограничении применения контрацепции» [Тищенко, 2001: 45].

Мы полагаем, и для этого есть вполне веские основания, что наблюдаемые сегодня кризисные проявления в демографической сфере отнюдь не являются злокозненным изобретением постсоветской власти, поскольку сложившаяся демографическая ситуация в России, прежде всего касающаяся русских и других

славянских народов, аналогична сложившейся в странах Западной Европы.

Мы можем выжить, получить приток жизненных сил так же, как и страны западной цивилизации, составляющие основу модерна, т.е. за счет эмигрантов. Эмиграция уже является существенным фактором жизни Российского государства и общества, и этот процесс усилится по мере экономического роста. Сегодня в развитии России наметился исторически детерминированный тренд к усилению гетерогенности, т.е. движение к многонациональному, многорасовому, мультикультуралистичному и мультиконфессиональному, плюралистичному обществу.

Семья является достаточно консервативным институтом, и сегодня в постсоветской России, как и в Западной Европе, на первом плане находится идеал стабильного партнерства, когда «практическая верность зачастую представляется совершенно естественной – только без официальных легитимации и принуждений государственного права и церковной морали» [Бек, 2000: 150].

В результате анализа характера взаимоотношений в современной российской семье возможно констатировать следующее:

- отношения равенства между супругами становятся преобладающей тенденцией;
- для супружеских отношений специфичен эгалитарный характер;
- вопрос о главе семьи трансформируется в проблему лидерства. При этом в одних семьях лидером может быть женщина, в других – мужчина, т.е. лидерство экстраполируется на определенный вид жизнедеятельности семьи;
- мужчина зачастую является главой семьи чисто формально, согласно сложившейся традиции.

По данным социологических опросов, в каждой пятой семье властные полномочия у жены, в каждой шестой – у мужа. Наличие в 36% семей одного субъекта властных полномочий создает условия

для внутрисемейного конфликта. Особого обсуждения и углубленного изучения заслуживает вопрос о так называемой феминизации современной семьи. В ряде случаев, как свидетельствуют материалы исследований, женщина занимает в семье лидирующее положение:

- именно она, в основном, распоряжается бюджетом семьи;
- женщине-матери принадлежит ведущая роль в воспитании детей;
- основная часть домашнего труда и труда по уходу за детьми лежит на плечах женщины;
- заработок женщины во многих случаях существенно не отличается от заработка мужчины или является более высоким;
- женщина часто является настоящей домоправительницей, т.е. распределяет между членами семьи те или иные обязанности и заботы по домашнему хозяйству.

Все это позволяет говорить об устойчивой тенденции феминизации семьи и усилении этого процесса в ближайшие годы.

Мы полагаем, что наиболее близкими к российским трансформациям семьи и семейной жизни являются аналогичные процессы, происходящие в странах бывшего социалистического лагеря. Сравнение трансформационных процессов, происходящих в семейной жизни россиян, наиболее корректно в отношении стран Восточной Европы. Здесь интересен, в частности, опыт Польской Республики, которая, как и Россия, переходит к новым/старым капиталистическим отношениям, переживает все многообразие социокультурных трансформаций, в том числе и в сфере семьи и семейных отношений.

Так, профессор Института социологии Познаньского университета им. А. Мицкевича З. Тышка в книге «Семья в современном мире» следующим образом определяет особенности современной европейской и североамериканской семьи: «Основной ее формой является малая (состоящая из двух поколений) семья, имеющая

отдельную жилую площадь, ведущая обособленное домашнее хозяйство. Жена, как и муж, занята на работе (вне дома), хотя это не является обязательным правилом. Участие в совместном семейном производстве больше не является доминирующей формой семейных отношений, т.е. преобладают не экономические факторы и обстоятельства, отсюда, в частности, и контроль в рамках семьи над рождаемостью. Целенаправленная активность семьи концентрируется на отдельных, выборочных функциях, которые при этом реализуются более “углубленно”.

Связи малой (состоящей из двух поколений) семьи с другими микроструктурными социальными институтами (например, отношения с соседями) ослабевают. Семья становится более интимным образованием. Возрастает внутрисемейная толерантность, утверждается внутрисемейный эгалитаризм (особенно это касается отношений мужа и жены) при гораздо большей чуткости и идеологических различиях между поколениями. Значительно уменьшается роль институционального аспекта в семейной жизни.

Проявление личностных особенностей в семье становится более значимым, чем приспособление к нормам и ролевым особенностям членов семьи. Сами роли и нормы уже не так строго и четко очерчены, как в традиционной семье. Практически исчезает дистанция между мужем и женой, значительно уменьшается и дистанция между родителями и детьми. К детям, особенно старшим, все чаще относятся по-товарищески, как к коллегам. Стирается специфичность ролей мужа и жены. Мужской и женский “миры” в семье все больше унифицируются. Существенно меняется ранжир неинструментальных факторов, все больше в семье на первый план выходит фактор эмоциональности. Личностные отношения преобладают над опредмеченными вещественными отношениями» [Tyszka, 2003: 26-27]. И ситуация в современной (сегодняшней) польской семье рассматривается лишь как частный пример

европейской семьи, на которую в полной мере распространяются все достижения и издержки радикализующегося процесса эмансипации личности.

Следует отметить, что согласно проводимым в последние годы социологическим опросам среди взрослых респондентов 50,6%, а среди молодых – 50,4% согласны, что семейная жизнь предпочтительнее во всех отношениях; среди взрослых 45,6% и 29,9% среди молодежи согласны в том, что рождение и воспитание детей является целью семейной жизни; 72,6% молодых людей и 48% взрослых не видят ничего плохого в совместной семейной жизни до официального вступления в брак [Ogryzko-Weiewiorowska, 2003:37-45, 41-42].

Под эгидой английского благотворительного фонда Leverhulm Trust в России были проведены комплексные социологические исследования по изучению молодежной среды и ее включенности в процессы культурной глобализации, рассмотрения степени усвоения западных по своей генеалогии норм, ценностей, моделей поведения, образа жизни, в том числе и отношения к семье и семейным отношениям.

По итогам этих исследований был опубликован коллективный труд британских и российских социологов из Центра русских и восточно-европейских исследований Бирмингемского университета и научно-исследовательского центра «Регион» Ульяновского государственного университета. Данные исследования показали определенную степень совпадения того, что наблюдается в трансформации семейной жизни в Европе, в частности в Польше.

Так, родители представлены в описаниях молодых людей как довольно толерантные люди, понимающие и просвещенные, готовые даже слушать «рэп, хаус и брейк-бит» [Пилкингтон, 2004: 173]. В то же время российская молодежь отмечала и дисциплинирующую роль семьи, наличие семейных отношений как некоей преграды в отношении девиантного поведения, в частности культуры

употребления наркотиков: «Наркотики преобладают... в сфере молодежи, но со временем это уйдет, конечно, с возрастом, потому что это какая-то мода, это какая-то культура все-таки... когда человеку 30 лет, он уже всерьез задумывается о создании семьи, у него даже есть семья и это как-то естественно... а когда ты учишься, легче употреблять наркотики» [Пилкингтон, 2004: 179]. В целом авторы исследования отмечают, что степень распространения западных ценностей и моделей поведения в российской молодежной среде велика настолько, что этого нельзя себе было представить десять лет назад.

Рассмотрев определенный массив социокультурной эмпирики как таковой, научных публикаций, в том числе содержащих значительные массивы статистических данных, приступим теперь к некоторым обобщениям по теме параграфа.

В течение большей части прошлого века не только в Западной Европе, но и в России современники событий не только наблюдали, но и были самыми активными участниками мегапроцесса, заключавшегося в количественном уменьшении семьи, сокращении детности и одновременно резком росте уровня образования, повышения качества и уровня жизни новых поколений землян. Речь идет об исторически очень быстром переходе от архаичных стереотипов семьи к современной модели в условиях, когда такой переход был еще не вполне подготовлен в социально-экономическом плане, в определенной мере продолжая оставаться в контексте идейной, моральной и конфессиональной системы представлений о должном состоянии семьи и деторождения.

Традиционные роли, когда женщина вела домашнее хозяйство, воспитывала детей, а муж был хозяином, собственником имущества и обеспечивал экономическую самостоятельность семьи, изменились. С течением времени практические результаты обретения новой демографической и социальной свободы становились все более явственными, благодаря ей радикально менялось и продолжает

меняться положение мужчин, женщин и детей, появились новые возможности самореализации личности в семейной, профессиональной и личной жизни.

Традиционная схема «общество – семья» в семейных отношениях даже в наиболее продвинутых в направлении их трансформации российских мегаполисах, таких как Москва и Санкт-Петербург, постепенно уступает место новой схеме, новому положению вещей, при котором семья выступает в двух ипостасях социального института и малой социальной группы, постепенно превращается в схему «общество – индивид, диада, неполная семья». Растворение семейного в индивидуальном, разумеется, обусловлено историческим ослаблением посреднической роли семьи между обществом и индивидом. Это вполне укладывается в рамки нашей теоретической модели о все большей автономизации человека в отношении природы и общества.

Мы также полагаем, что говорить о положении российской семьи, ее трансформациях, демографических проблемах российского общества следует в более широком контексте нашей исторической и социокультурной динамики. В течение всего постсоветского периода российское общество училось жить на сугубо материальных основаниях, когда государство не регламентировало, не карало и не вознаграждало за следование и неследование благодати и пороку, моральным нормам, религиозным системам, духу патриотизма, различным формам социокультурной солидарности, в том числе и традиционным семейным отношениям.

Потому и навязанный народам аскетический образ жизни, навязанное самопожертвование ради величия государства пробудили в людях неудержимую жажду личной жизни, для которой второй ребенок – уже избыточно большое и длительное бремя, фактически отнимающее у женщины право на молодежный образ жизни и на профессиональную карьеру. Взрыв притязаний, потребностей создает высокий разрыв между ними и реальным

уровнем жизни, то есть депривацию первого рода, вызывающую высокую неудовлетворенность и достигательную активность. Не страх, не депрессия, а оптимизм становится психологическим фоном, на котором зиждется, из которого вырастают социально-экономическая активность и низкая рождаемость.

К сожалению, в нашей стране уровень эмансипации женщин еще весьма далек от западных стандартов, что можно объяснить как общим отставанием России в темпах построения постиндустриального общества, так и некоторыми историческими традициями, ментальностью, заметной долей мусульманского населения в стране и т.п. В то же время этот пониженный, по сравнению с западноевропейским, уровень женской эмансипации в определенной мере способствует и сохранению в отдельных, прежде всего мусульманских регионах страны, преимущественно традиционной семьи.

Но новая волна... выплескивает на берег весь старый сексуально-романтический хлам. Новый дух, проникнутый познанием, которое было инспирировано психоанализом, гигиеной брака и эмансипацией, теперь подвигает на более «деловое» обращение со всей этой областью, столь сильно окутанной мечтаниями и тайной, нетерпением и страстной тоской [Слотердаjk 2001: 552].

Согласно вполне разделяемой нами позиции Р. Дарендорфа, путь к модели открытого, свободного, гражданского, информационного, рефлексивного общества будет весьма продолжительным, включающим ряд важнейших процессов культурной и человеческой эмансипации. Процесс эмансипация человека, как женщины, так и мужчины, несмотря на все зигзаги и отступления, консервативные откаты, имеет совершенно четкий вектор, он в какой-то мере даже телеологичен. Человек становится личностью, приобретая все новые и новые степени автономии от природной среды и социального окружения.

В последние десятилетия наблюдаются процессы депопуляции различных, в том числе славянских, групп населения России. Этот феномен был обусловлен, по меньшей мере, двумя основными причинами. Первой причиной является ускорение заимствования западноевропейской модели семьи, характеризующееся меньшим количеством детей, более поздним возрастом вступления в брак, значительным количеством детей, родившихся вне брака. Второй важнейшей причиной происходящего является шоковая реакция человека на необходимость ускоренной адаптации к новым реалиям в культуре и обществе.

Согласно прогнозам, представленным в Восьмом докладе о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, вышедшем в рамках программы развития ООН, к 2050 году в России может проживать порядка 120–90 миллионов человек [Власова, 2003: 92-93].

В наибольшей мере это сокращение затронет русскоязычные области, поскольку в индустриальных (Урал, Норильск и т.д.) и постиндустриальных регионах (Москва, Санкт-Петербург) страны демографический переход уже произошел, в отличие от аграрных регионов, которые, как правило, являются национальными республиками. В аграрных регионах сохраняется архаическая модель демографического воспроизводства, семьи более многочисленны, с большим количеством детей.

Нетрудно предположить, что эти процессы в недалеком будущем приведут к значительным изменениям привычного этнического ландшафта, где этнические русские составят если и не явное меньшинство, то и не доминирующую группу. Углубление этого процесса может сопровождаться всплесками национализма, требованиями переделить собственность по этническому и религиозному принципу, росту политического влияния противников эмиграции.

- [1] Кара-Мурза, А.А. 1996. *Сотворение России. Лабиринты национального самосознания*, Между «Империей» и «Смутой». Избранная социально-философская публицистика. – М.: ИФРАН.
- [2] Мяло, К. 1988. *Оборванная нить. Крестьянская культура и культурная революция*, Новый мир. М., № 8.
- [3] Виноградский, В. 2000. *Орудия слабых: технология и социальная логика крестьянской семейной экономики*, Знание – сила, № 7 (877).
- [4] Бойетт Джозеф, Г., Бойетт, Джимми, Т. 2002. *Путеводитель по царству мудрости: лучшие идеи мастеров управления*, Пер. с англ. А.А. Калинина. 2-е изд., стер. – М.: ЗАО «Олимп – Бизнес».
- [5] Сокулер, З.А. 2003. *Социальное и географическое пространства в концепции П. Бурдьё: (Научно-аналитический обзор)*, Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферативный сборник / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии. Отв. ред. Гирко Л.В. М.: ИНИОН.
- [6] Коатс, Д. 2000. *Будущее семьи*, Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи: Антология современной классической прогностики. 1952–1999 / Редактор-составитель и автор предисловия академик РАО И.В. Бестужев-Лада. – М.: Academia.
- [7] Айвазова, С.Г. 1989. *Участие в общественно-политической жизни, Женщины в современном мире*. – М.: Наука.
- [8] Летов, О.В., Стронгк, К. 2000. *Этические вопросы репродуктивной медицины: новые концепции*, Философия: РЖ/РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отдел философии. – М.: РАН. ИНИОН.
- [9] Жиромская, В.Б. 1999. *Особенности демографического развития народов России в 20-е годы XX века*, Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М.: Наук.
- [10] *Тенденции социокультурного развития России. 1960–1990-е гг.*, Отв. ред.: И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов. М.: РИК, 1996.
- [11] Тищенко, П.Д. 2001. *Биовласть в эпоху биотехнологий*. М.: ИФ РАН.
- [12] Бек, У. 2000. *Общество риска. На пути к другому модерну*, Пер. с нем. Б. Сидельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс–Традиция.
- [13] Tyszka, Zb. 2003. *Rodzina we wspolczesnym swiecie*, Poznan: Wydawnauk. UAM.
- [14] Ogryzko-Weiewiorowska, M. 2003. *Rodzina polska u progu nowego wieku*, Poznan: Wydawnauk. UAM.

-
- [15] Пилкингтон, Х. 2004. *Обратная Сторона Луны? Глобальные и Локальные Горизонты*, Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры / Пер. с англ. О. Оберемко, У. Блюдиной. СПб.: Алетейя.
- [16] Слотердаjk, П. 2001. *Критика цинического разума* / Пер. с нем. А.В. Перцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
- [17] Власова, О. 2003. *Без воли к жизни*, Эксперт, 8-14 декабря, № 46 (399).